

Ибрагимов Руслан Рустамович

канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник

Институт татарской энциклопедии

и регионоведения

ГНБУ «Академия наук

Республики Татарстан»

г. Казань, Республика Татарстан

ИСЛАМ В ЖИЗНИ ТАТАРСКОГО СОЦИУМА ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В 1920–1930-Х ГГ.

***Аннотация:** актуальность статьи обусловлена значительной ролью ислама в жизни татарского социума в прошлом и в настоящем времени. Особым периодом в государственно-исламских отношениях стал советский период. В его рамках власть рассматривала религию как чуждую, враждебную идеологию и целенаправленно вела борьбу с её влиянием. Особый интерес вызывает период 1920–1930-х гг. – время формирования основ советской политики в отношении религии. Исследование выполнено на основе опубликованных и ранее неопубликованных источников. Цель статьи заключается в выявлении факторов, обеспечивших выживание ислама в условиях господства атеистического мировоззрения в местах традиционного расселения татар, изучении его социокультурной роли в жизни последних.*

***Ключевые слова:** советское государство, мусульмане, татары, Волго-Уральский регион, атеистическая пропаганда.*

Татары относятся к числу дисперсно расселённых народов. Но в силу исторически сложившихся обстоятельств многие места компактного проживания татар за пределами Республики Татарстан предки татар начали осваивать ещё со времён Волжской Булгарии, став, фактически, коренным населением многих современных регионов Российской Федерации (Республика Башкортостан, Марий Эл и Мордовия, Удмуртская и Чувашская Республики, Кировская, Самарская, Ульяновская области и др).

Огромную роль в сохранении национально-духовной идентичности татар в дооктябрьский период сыграл ислам. Но после 1917 года ситуация кардинально меняется как для мусульман, так и для всех других конфессий Советского государства.

В советский период, государственные и партийные органы придерживались генеральной линии на подавление любой формы инакомыслия, в том числе и религиозной. Основопологающей официальной идеологической догмой государства стало отношение к религии как к «вырождающемуся явлению». Тем не менее, на определённых этапах истории Советского государства, власть под воздействием определённых обстоятельств варьировала степень своей нетерпимости к религии в целом и к исламу в частности.

В первое десятилетие советской власти мусульмане оказались в несколько более предпочтительном положении, нежели последователи Русской православной церкви. Насильственные перемены в традиционном укладе мусульманских народов могли привести к широкомасштабным выступлениям против новой власти. Поэтому на определённом этапе политика Советского государства в отношении ислама была относительно гибкой. Её проявлениями стали: «Обращение к трудящимся мусульманам России и Востока», где утверждалась неприкосновенность их верований, обычаев и национально-культурных учреждений [1, с. 70]; возвращение мусульманам таких реликвий как, Коран Османа, башня Сююмбике в Казани, Караван-Сарай в Оренбурге [1, с. 71]; разрешение преподавания в мечетях мусульманского вероучения (на основании постановлений Президиума ВЦИК от 9 июля и 28 июля 1924 г. (были отменены в 1928 году решением Президиума ЦИК СССР) [7, с. 87]. Отражением данной тенденции в Татарской АССР стало продолжение сооружения Закабанной мечети в Казани и строительство мечетей в сёлах республики [8, с. 27]. Однако, уже в конце 1920-х гг. политика Советского государства в отношении ислама «нивелируется» до уровня остальных конфессий, в основных чертах выразившимся в насильственном закрытии молитвенных зданий, репрессий в отношении верующих и духовенства.

В 1924 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР в соответствии с которым вновь разрешалось религиозное обучение при мечетях и на дому. Однако уже 28 мая 1928 года Президиум ЦИК СССР отменил данное постановление, после чего начинается волна массового закрытия мектебов и фактическое изъятие «пустующих» после закрытия зданий мечетей, а также церквей и монастырей под культурно-просветительские учреждения. Так, «только в Башкирской АССР было изъято 1047 мечетей, из них в 51 здании размещены школы и клубы, а подавляющее большинство культовых сооружений, 838, использовано под хозяйственные нужды 3» [3, с. 24].

Если Декрет 1918 г. не предусматривал явного и прямого вмешательства государства во внутренние дела религиозных объединений, то Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» ликвидировало этот «пробел» в советском законодательстве. Суть данного постановления можно обозначить следующими ключевыми положениями: легальная деятельность религиозных обществ и групп верующих была возможна только с санкции государственных органов власти; религиозные объединения не могли быть собственниками культовых зданий; под контролем властей находилась вся финансово-хозяйственная деятельность религиозных структур; законодательство позволяло органам власти вмешиваться во внутренние дела религиозных объединений; деятельность религиозных объединений ограничивалась исключительно рамками культовой практики. Следует сказать, что Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. с последующими изменениями и дополнениями, являлось основополагающим законодательным актом в области государственно-конфессиональных отношений, вплоть до принятия в 1990 г. Верховным Советом СССР Закона «О свободе совести и религиозных организациях».

С точки зрения советского законодательства религиозные объединения могли функционировать только в случае их официальной регистрации в государственных органах власти. Добиться данной регистрации было крайне сложно. Согласно постановлению НКВД РСФСР от 1 октября 1929 года №329 все религиозные объединения, не прошедшие перерегистрацию до 1 мая 1930 года,

объявлялись ликвидированными. Под этим предлогом в массовом порядке закрывались мечети Татарии, Башкирии, Оренбургской, Свердловской, Челябинской и других областей Урала, Поволжья, Сибири и Европейской части России

В этой связи большая часть верующих, в том числе мусульмане были вынуждены собираться в рамках неофициально действующих религиозных объединений – в домах верующих, для более массовых намазов – на мусульманских кладбищах, святых местах.

В отличие от антирелигиозной кампании 1918–1925 гг., когда основной удар был направлен против Русской православной церкви, в конце 1920-х – 1930-е гг. репрессивные мероприятия проводились в отношении всех без исключения конфессий. Так, уже в 1928 гг. в Казани прошёл процесс по делу т. н. «нелегального медресе», в рамках которого по обвинению в «нелегальном» обучении шакирдов различным мерам наказания подверглись известные религиозные деятели того времени – мухтасиб Казани Ш. Шараф (в 1938 г. по делу ЦДУМ был приговорён к высшей мере наказания. – Р.И.), бывший преподаватель Азимовского медресе Д. Низамутдинов, имам-хатыб мечети 7 прихода Т. Алтынбаев и имам К. Гафаров [6, с. 110–117]. В последующие годы, по данным А.Л. Литвина, «... в Татарии были расстреляны десятки мулл» [4, с. 28].

К началу Великой Отечественной войны подавляющее число религиозных объединений было закрыто. Например, «... В рамках государственной атеистической кампании в 1930–1937 годах были закрыты все 10 мечетей в городе Оренбурге» [3, с. 24]. В Удмуртской АССР действовали 6 мусульманских объединений – в деревнях Бектым и Падера Балезинского района, Тат-Парзи и Малые Парзи Глазовского района, в гг. Ижевск и Воткинск [5]. Сведения о количестве официально действовавших в Татарской АССР мусульманских религиозных объединений – неоднозначны. В статистических сведениях Уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Татарской АССР, датированных второй половиной 1940 гг., пять мусульманских религиозных объединений в графе «дата регистрации» обозначены следующим образом, «зарегистрированы как ранее действующие», т. е. прошедшие перерегистрацию [2, л. 8, 9]. В

этой связи можно предположить, что к началу Великой Отечественной войны на территории Татарстана официально действовало по крайней мере пять мусульманских объединений.

Таким образом, весь комплекс принятых властями Советского государства антирелигиозных мероприятий, привёл к тому, что к началу 1940-х гг., религиозные объединения всех вероисповеданий находились на грани уничтожения. Это в полной мере относилось и состоянию ислама в Волго-Уралье – регионе его традиционного распространения. К началу Великой Отечественной войны здесь функционировало крайне малое количество официально действующих мусульманских религиозных объединений, практически вся религиозная жизнь была сконцентрирована на неофициальном, семейно-бытовом уровне.

Список литературы

1. Гольст Г.Р. Законодательство о религиозных культах: сборник материалов и документов / Г.Р. Гольст, Д.М. Начавин. – М.: Юридическая литература, 1971. – 356 с.
2. Государственный архив Республики Татарстан. – Фонд Р-873. – Описание 1. – Дело 7. – 126 л.
3. Денисов Д.Н. 130 лет Центральной соборной мечети Оренбурга / Д.Н. Денисов, К.А. Моргунов. – Оренбург: ОГАУ, 2009. – 100 с. EDN QUXXMZ
4. Литвин А.Л. Запрет на жизнь: сталинские репрессии в Татарстане / А.Л. Литвин. – Казань: Таткнигоиздат, 1993. – 222 с.
5. Микрюкова М.А. Религиозные объединения Удмуртии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / М.А. Микрюкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gasur.ru/contacts/> (дата обращения: 16.10.2023).
6. Миннуллин И.Р. Дело «нелегального медресе» в Казани. 1927-1928 гг. / И.Р. Миннуллин // Гасырлар авазы. Эхо веков. – №3/4. – 2002. – С.110–117. EDN SEVHTZ

7. Набиев Р.А. Ислам и государство: Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке / Р.А. Набиев. – Казань: Казанский университет, 2002. – 244 с.

8. Надырова Х.Г. Мечети Татарстана / Х.Г. Надырова, Р.Р. Салихов, Р.Р. Хайрутдинов. – Казань: РУИЦ, 2000. – 281 с.